

С товарищами по оружию он прошел от Сандомирского плацдарма до Златой Праги. С собратями по искусству проехал чуть ли не «всю Вселенную»: четыре континента, включая африканский.

Поворот автострады свет в мирном уголке гостеприимной Польши как бы двух Беляевых: нынешнего солиста дважды Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии имени А. В. Александрова и его далекого предшественника, фронтовика-зенитчика. Нестандартная ситуация породила незапланированный внутренний монолог:

«Похоже, квадрат карты — тот самый... Там, на обратных скатах, замаскировали мы осенью сорок четвертого свои зенитки... Оттуда, из-за поворота, начали восхождение на перевал наши давние «подзащитные», танкисты 31-го корпуса. Их мы оберегали от ударов с воздуха... В той каменной ложине нашли свой конец вражеские пикировщики, которые пыгались устроить на перевале кровавую «пробку». Головного достал пушечной очередью чудо-наводчик Володя Заболоцкий...

Три сбитых самолета добавила в том бою к своему счету наша батарея.

Назавтра, уже в другом квадрате карты, командир части полковник Шевелев вручил Володе Заболоцкому и другим отличившимся ордена и медали. Затем — снова в бой, снова — вперед, на запад!...

За окном автобуса таяла гряда синеватых холмов. Колея первсала сузилась до размеров логарифмической линейки. Затем затрепетала на вершине, словно паутина на ветру. Кто-то из спутников обронил:

— Живописный уголок.

Повернувшись к соседу, Евгений Михайлович уточнил:

— Этот уголок мы за ночь перелопатили вручную. Надо было к утру превратиться в невидимок, чтобы фашистские асы не обнаружили позиции до первого нашего удара. Глаз не сомкнули. Ладони измозолили в кровь. Но дело сделано.

Сказавший «а» говорит «б». Пришлось бывшему дальномерщику накорот-

ке «озвучить» недавний внутренний монолог. Чтобы помочь Игорю Волкову, Владимиру Черным и другим молодым артистам ансамбля разглядеть под красотою природы шрамы военных лет. Следы воронок и траншей. Квадраты карты, перелопаченные вручную, политые потом и кровью. Отсюда, между прочим, рукой подать до Освенцима. А если прикинуть сердцем к былому — явственно услышишь и набат Бухенвальда:

— Люди мира, будьте зорче втрое! С этим пламенным призывом обращался к современникам композитор-воин Вано Мурадели. Его могучая песня

шалых соловьев. Вслед за хором подхватывали припев синеекой жемчужины Бориса Мокроусова, которая «как песня русская, как русская душа». Но коронным номером, пожалуй, шла «Калинка».

Устные и печатные восторги не засломили, однако, от самого певца парадоксальную с виду горькую истину: с «Калинкой» что-то не так. Сегодня не долетит. Завтра перелет. А прямого попадания нет и нет.

Так вот, без великой дипломатии исповедаться перед Сергеем Яковлевичем Лемешевым в день знакомства:

— Не подобрал к ней «ключика».

Встреча с интересным человеком НОМЕР БОВЕВОВО РАСЧЕТА

о бухенвальдском набате стала одной из ярких страниц в арсенале ансамбля.

Нарядные автоэкспрессы шли по курсу. Свой рассказ Евгений Михайлович вел вполголоса, опуская детали. Близилось время концерта. Следовало побегать голосовые связки, настроиться на рабочую «волну». Дань былому — святое дело, но не в ущерб задаче дня.

Год семьдесят третий, как и большинство минувших лет, оказался урожайным на путешествия. Зимой — большая поездка по городам и гарнизонам Урала и Поволжья. Весной — встречи со старыми друзьями в Чехословакии. Летом — бросок через океан, четвертое в истории коллектива гастрольное турне в Канаду.

Канадская газета «Торонто дейли стар» построила одну из рецензий в виде шутливой оперативной сводки: «Ансамбль Советской Армии покоряет Канаду по всему фронту. Монреаль уже пал, а вчера вечером 7.500 торонтоцев устроили овацию Борису Александрову и его 180 певцам, танцорам и музыкантам».

Мы с вами многократно убеждались: «падение» Монреаля, а также «покорение» Парижа, Каира, десятков других городов не обходилось без творческих усилий Евгения Беляева. Болеельщики всех континентов — как знатоки музыки, так и рядовые ценители — не отпускали его без обязательных «бисов». Требовали повторить украинскую скромницу «Нич яка мисячна», польскую озорницу «Марысю». На «ура» принимали

Десять лет воюю, если не больше. А радоваться нечему...

Сергей Яковлевич слушал не перебивая. Понимал все с полуслова. У самого за плечами — полвека творческих «терзаний». Выслушал и просто, по-домашнему, пригласил:

— Женя, приходите ко мне. Рад буду подсобить. Попробуем поискать вместе.

Странная прихоть судьбы: «заболел» Лемешевым еще в довоенном отрочестве, а встретиться довелось только в семидесятых, когда уже сам стал народным артистом Союза. Дублировал, как умел, лемешевский репертуар на музыкальных вечерах школы имени Герцена в Клинцах. Под аккомпанемент первого наставника — преподавательницы литературы Марии Алексеевны Красновской. Дублировал и у костров «Пионерской республики» в Артеке, куда был послан по праву отличника-активиста. У походных костров зенитного полка в минуты затишья щедро, безотказно выполнял заявки сослуживцев: «Метелицу», «Тройку», «Скажите, девушки!», «Ах ты, душечка...».

В тот самый день, когда на груди Володи Заболоцкого заблистала лятинечная алая звезда, его ближайший друг Евгений Беляев был удостоен медали «За отвагу».

Вручая награду, полковник Шевелев пояснил:

— Не только за глазомер. За все ра-

зом. За мозоли на ладонях. За боевые листки. За песни у костра...

Вернулся домой после братских проводов из Польши. Снова репетиции в залах ЦДСА на площади Коммуны в Москве. Снова подготовка к поездкам. Продолжение многолетней войны с «Калинкой». Освоение свежего песенного репертуара. На досуге — концертное исполнение оперных отрывков. Уже не в кителе, а в вечернем «штатском» костюме. Ленский, Дубровский, Герцог из «Риголетто», романсы Чайковского, Рахманинова. Какая роль самая любимая? Та, что исполняется сегодня. По завету величайшего художника вокала Федора Шаляпина.

...После всего сказанного трудно поверить, что летом пятьдесят пятого, после пробы в Краснознаменном, Борис Александрович отозвался о тогдашнем Беляеве прямо-таки нелестно:

— Не годится! Даже для хора.

А позади — восемь лет работы солистом в ансамблях Прикарпатского и Киевского военных округов.

Чувствовал, знал сам: обижаться не на кого. Куда-то пропали си-беомли. После неудачной пробы в Большом театре вступительный экзамен в Краснознаменном был провален начисто. Прозвучал в какую-то «осьмушку» истинной силы.

После двойного удара на главном направлении не всякому дано восстановиться, зазвучать в былую силу. Здесь мало таланта. Нужна помощь зорких, терпеливых людей.

Концертмейстер ансамбля Евгений Августович Кангер попросил сразу же:

— Борис Александрович, позвольте мне с Беляевым поработать. Человек явно «перегорел»...

Работали не месяц, не два. Гораздо больше. Может быть, самолично и не отважился на «реваниш» у Александрова. Но выручил Артур Эйзен, тогдашний солист Большого театра, нынешний солист Большого театра, народный артист республики. Потанцевал с ним: «Хватит отсиживаться в обороне! Пора наступать! Женя, даю слово: сегодня прозвучишь!».

Верно. Прозвучал. Реваниш состоялся. Борис Александрович долго не раздумывал: «В солисты! В нем действительно что-то есть...».

Еще один человек подсобил певцу Беляеву в трудную минуту. Он сам. Труженик переднего края, комсомолец-артиллерист, причившийся выдерживать любые удары. И воздушные, и наземные.

И. ПОЖИДАЕВ.